

*Кировское областное государственное автономное образовательное
учреждение дополнительного образования
«Центр дополнительного образования одаренных школьников»*

ЛИТЕРАТУРА, 2016

ЗАДАНИЯ, РЕШЕНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

по проверке и оценке решений
II (муниципального) этапа
всероссийской и областной олимпиад школьников
по литературе

в Кировской области
в 2016/2017 учебном году

Киров
2016

Печатается по решению методической комиссии III этапа всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе

Задания, решения и методические указания по проверке и оценке решений задач II (муниципального) этапа всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе в Кировской области в 2016–2017 учебном году / *И. В. Галкина, Н. В. Маслак, С. А. Окунева (сост.)* // Под ред. *А. С. Рыловой*. – Киров: Изд-во ЦДООШ, 2016. – 28 с.

Авторы и источники задач (заданий, вопросов)

Галкина И. В.

Маслак Н. В.

Окунева С. А.

Составитель

Окунева С. А.

Научная редакция

Рылова А. С., канд. пед. наук

Компьютерный набор

Окунева С. А.

Подписано в печать 23.09.2016

Формат 60×84¹/₁₆ Бумага типографская. Усл. печ. л. 1,8

Тираж 1200 экз.

© Кировское областное автономное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования одаренных школьников», Киров, 2016

© Галкина И. В., Маслак Н. В., Окунева С. А., 2016

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ И ОБЛАСТНОЙ ОЛИМПИАД ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Настоящие методические требования подготовлены региональной предметно-методической комиссией по литературе для помощи методическим комиссиям и жюри II (муниципального) этапа всероссийской и областной олимпиад школьников по литературе в 2016–2017 учебном году.

Методические материалы включают рекомендации по порядку проведения олимпиад по литературе, олимпиадные задания для учащихся 5–11-х классов, рекомендации по оцениванию решений участников олимпиад, а также список источников, которые были использованы авторами при подготовке заданий.

1. Задачи олимпиады

Муниципальный этап олимпиады по литературе проводится отдельно для 7-х, 8-х, 9-х, 10-х и 11-х классов, а также **впервые в данном учебном году для 5-х и 6-х классов.**

Участники олимпиады должны продемонстрировать следующие умения:

- определять тему и основную мысль произведения, основной конфликт;
- пересказывать сюжет; видеть особенности композиции;
- характеризовать героев-персонажей, давать их сравнительные характеристики; оценивать систему персонажей;
- выявлять особенности языка и стиля писателя; находить основные изобразительно-выразительные средства, характерные для творческой манеры писателя, определять их художественную функцию;
- определять жанровую, родовую специфику художественного произведения;
- объяснять свое понимание нравственно-философской, социально-исторической и эстетической проблематики произведений;
- анализировать литературные произведения разных жанров;
- определять авторское отношение к героям и событиям, к читателю;
- пользоваться основными теоретико-литературными терминами и понятиями;
- выражать личное отношение к художественному произведению; аргументировать свою точку зрения;
- представлять развернутый письменный ответ на поставленные вопросы;
- писать сочинения различных жанров

Главная задача Олимпиады – выявление и поддержка одаренных детей, способных к постижению художественной литературы как вида искусства, пониманию смысла разнообразных литературных произведений, умеющих пользоваться литературным языком как инструментом для выражения собственных мыслей и ощущений.

2. Выбор заданий для олимпиады

Задания для муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе в 2016–2017 учебном году составлены с учетом методических рекомендаций по разработке заданий для муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе, представленных Центральной предметно-методической комиссией по литературе под редакцией Председателя жюри заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе С. В. Волкова.

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников по литературе проходит в один (письменный) тур в виде письменной творческой работы, отдельно для участников разных классов. Первое задание включает в себя **целостный анализ художественного текста (прозаического для 5, 6, 7, 8, прозаического или поэтического для 9, 10, 11).** Учащимся предлагается написать отзыв или рецензию на незнакомый или малознакомый текст русского писателя XIX–XX веков. Для решения основных за-

дач Олимпиады при выборе художественных текстов предметно-методическая комиссия обращается к малознакомым произведениям известных авторов или к произведениям незаслуженно забытых писателей. Второе задание – **творческое**. Выполняя его, ученики создают текст ответа, опираясь на предложенные вопросы. Второе задание выявляет творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи, выступать в роли редактора, журналиста, писателя, рецензента, издателя, комментатора, популярного блогера, учёного и в других ролях, требующих филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса.

3. Форма и порядок проведения муниципального этапа

Для проведения муниципального этапа рекомендуется выделить несколько классных помещений для участников от каждой параллели для создания свободных условий работы – один человек за партой. Каждый участник должен быть обеспечен комплектом заданий и канцелярскими принадлежностями (бумагой, ручкой).

Предварительно участников следует ознакомить с временем выполнения заданий (для участников **5–6-х классов – 2 астрономических часа, 7–8-х классов – 3 астрономических часа, для участников 9–11-х классов – до 5 астрономических часов**). Олимпиаду рекомендуется начинать в 10:00 часов. Наличие в классном помещении и использование текстов художественной литературы, словарей, учебно-методической литературы, средств мобильной связи, электронных книг, фотоаппаратов, компьютеров и т. д. исключается. В случае нарушения этого условия учащийся удаляется с олимпиады.

Все олимпиадные задания выполняются письменно. Работы пишутся только в прозаической форме. Если участник использовал черновик, он сдает его вместе с работой. Члены жюри оценивают записи, приведенные в чистовике. Черновики не проверяются. Если задание выполнено не полностью, то члены жюри обращаются к черновику работы. Черновик может быть учтен при оценке работы в пользу участника олимпиады. Объем работ не регламентируется, но должен соответствовать поставленной задаче.

4. Организация проверки олимпиадных заданий, определение победителей

По истечении времени выполнения заданий работы школьников собираются и сдаются председателю жюри, который производит шифровку работ. Жюри муниципального этапа проверяет и оценивает выполненные олимпиадные задания.

Работа должна быть независимо проверена и подписана не менее чем двумя членами жюри. В случае существенного расхождения их баллов председателем жюри назначается третий проверяющий. Его оценка решает спорный вопрос с распределением баллов. Итоговый балл оформляется специальным протоколом, где значится шифр работы, балл и подписи всех членов жюри. Результаты проверки всех олимпиадных работ члены жюри заносят в итоговую таблицу технической ведомости оценивания работ участников олимпиады.

При оценивании олимпиадных работ муниципального этапа олимпиады методическая комиссия ориентируется на систему оценивания заключительного этапа всероссийской олимпиады по литературе, выбирая критерии оценивания, соответствующие варианту задания (критерии приведены ниже).

Жюри муниципального этапа, согласно Положению об Олимпиаде, оценивает выполненные олимпиадные задания, проводит анализ выполненных работ, рассматривает апелляции совместно с оргкомитетом соответствующего этапа Олимпиады

Желаем успеха!

ЗАДАНИЯ

5 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте рассказ М. Пришвина «Паутинка». Напишите связный текст, укажите в нем тему рассказа, охарактеризуйте основной сюжет, выделите главную мысль и авторское отношение к изображаемому. Перечислите ключевые образы, подумайте, как они помогают передать настроение автора; найдите олицетворения (не менее трех) и объясните, с какой целью их использует автор.

М. М. Пришвин

ПАУТИНКА

Вот был солнечный день, такой яркий, что лучи проникали даже и в самый темный лес. Шел я вперед по такой узенькой просеке, что некоторые деревья с одной стороны перегибались на другую, и это дерево шептало своими листиками что-то другому дереву, на той стороне. Ветер был очень слабый, но все-таки он был: и наверху лепетали осинки, и внизу, как всегда, важно раскачивались папоротники. Вдруг я заметил: со стороны на сторону через просеку, слева направо, непрерывно там и тут перелетают какие-то мелкие огненные стрелки. Как всегда в таких случаях, я сосредоточил свое внимание на стрелках и скоро заметил, что движение стрелок происходит по ветру, слева направо. Еще я заметил, что на елках их обычные побеги-лапки вышли из своих оранжевых сорочек и ветер сдувал эти ненужные больше сорочки с каждого дерева во множестве великом: каждая новая лапка на елке рождалась в оранжевой сорочке, и теперь сколько лапок, столько сорочек слетало – тысячи, миллионы...

Мне видно было, как одна из этих слетающих сорочек встретила с одной из летящих стрелок и вдруг повисла в воздухе, а стрелка исчезла. Я понял тогда, что сорочка повисла на невидимой мне паутинке, и это дало мне возможность в упор подойти к паутинке и вполне понять явление стрелок: ветер поддувает паутинку к солнечному лучу, блестящая паутинка вспыхивает от света, и от этого кажется, будто стрелка летит. В то же время я понял, что паутинок этих, протянутых через просеку, великое множество, и, значит, если я шел, то разрывал их, сам не зная того, тысячами. Мне казалось, что у меня была такая важная цель – учиться в лесу быть его настоящим хозяином, – что я имел право рвать все паутинки и заставлять всех лесных пауков работать для моей цели. Но эту замеченную мной паутинку я почему-то пощадил: ведь это она же благодаря повисшей на ней сорочке помогла разгадать мне явление стрелок. Был ли я жесток, разрывая тысячи паутинок? Нисколько: я же их не видел – моя жестокость была следствием моей физической силы. Был ли я милостив, наклоня для спасения паутинки свою натруженную спину? Не думаю: в лесу я веду себя учеником, и если бы я мог, то ничего бы не тронул. Спасение этой паутинки я отношу к действию моего сосредоточенного внимания.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

«Читающая Россия» – так называется выставка, на которой может побывать каждый, кто любит книгу и чтение. Ее главный герой – Человек читающий (Homo legens). На выставке можно узнать о произведениях, популярных в различные эпохи; можно познакомиться с книгами на определённую тему, например, книги о животных, книги о приключениях и т.п.

Попробуйте представить (в виде отзыва) посетителям этой выставки свою любимую книгу о животных.

6 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Воробей». Напишите связный текст, укажите в нем тему произведения, охарактеризуйте основной сюжет, выделите главную мысль. Расскажите о средствах создания характера главного героя. Найдите средства выразительности, объясните, с какой целью их использует автор.

И. С. Тургенев

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой – и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса – и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

1878

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

«Читающая Россия» – так называется выставка, на которой может побывать каждый, кто любит книгу и чтение. Ее главный герой – Человек читающий (Homo legens). На выставке можно узнать о произведениях, популярных в различные эпохи; можно познакомиться с книгами на определённую тему, например, книги о животных, книги о приключениях и т.п.

Попробуйте представить (в виде отзыва) посетителям этой выставки свою любимую книгу о природе.

7 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте рассказ Л. Е. Улицкой «Бумажная победа». Напишите связный текст. Определите тему рассказа, его проблематику, выделите позицию автора, охарактеризуйте особенности конфликта, основной сюжет и композицию рассказа. Проанализируйте образы героев и средства их создания. Найдите средства художественной выразительности и укажите их роль в воплощении авторского замысла. Выразите личное отношение к художественному произведению, аргументируйте свою точку зрения.

Л. Е. Улицкая

БУМАЖНАЯ ПОБЕДА

Когда солнце растопило черный зернистый снег и из грязной воды выплыли скопившиеся за зиму отбросы человеческого жилья - ветошь, кости, битое стекло, - и в воздухе поднялась кутерьма запахов, в которой самым сильным был сырой и сладкий запах весенней земли, во двор вышел Геня Пираплетчиков. Его фамилия писалась так нелепо, что с тех пор, как он научился читать, он ощущал ее как унижение.

Помимо этого, у него от рождения было неладно с ногами, и он ходил странной, прыгающей походкой.

Помимо этого, у него был всегда заложен нос, и он дышал ртом. Губы сохли, и их приходилось часто облизывать.

Помимо этого, у него не было отца. Отцов не было у половины ребят. Но в отличие от других Геня не мог сказать, что его отец погиб на войне: у него отца не было вообще. Все это, вместе взятое, делало Геню очень несчастным человеком.

Итак, он вышел во двор, едва оправившись после весенне-зимних болезней, в шерстяной лыжной шапочке с поддетым под нее платком и в длинном зеленом шарфе, обмотанном вокруг шеи.

На солнце было неправдоподобно тепло, маленькие девочки спустили чулки и закрутили их на лодыжках тугими колбасками. Старуха из седьмой квартиры с помощью внучки вытащила под окно стул и села на солнце, запрокинув лицо.

И воздух, и земля – все было разбухшим и переполненным, а особенно голые деревья, готовые с минуты на минуту взорваться мелкой счастливой листвой.

Геня стоял посреди двора и ошеломленно вслушивался в поднебесный гул, а толстая кошка, осторожно трогая лапами мокрую землю, наискосок переходила двор.

Первый ком земли упал как раз посередине, между кошкой и мальчиком. Кошка, изогнувшись, прыгнула назад. Геня вздрогнул – брызги грязи тяжело шлепнулись на лицо. Второй комок попал в спину, а третьего он не стал дожидаться, пустился вприпрыжку к своей двери. Вдгонку, как звонкое копьё, летел самодельный стишок:

– Генька хромой, сопلي рекой!

Он оглянулся: кидался Колька Клюквин, кричали девчонки, а позади них стоял тот, ради которого они старались, – враг всех, кто не был у него на побегушках, ловкий и бесстрашный Женька Айтыр.

Геня кинулся к своей двери – с лестницы уже спускалась его бабушка, крохотная бабуська в бурой шляпке с вечнозелеными и вечноголубыми цветами над ухом. Они собирались на прогулку на Миусский скверик. Мертвая потертая лиса, сверкая янтарными глазами, плоско лежала у нее на плече.

Вечером, когда Геня похрапывал во сне за зеленой ширмой, мать и бабушка долго сидели за столом.

– Почему? Почему они его всегда обижают? – горьким шепотом спросила, наконец, бабушка.

– Я думаю, надо пригласить их в гости, к Гене на день рождения, – ответила мать.

– Ты с ума сошла, – испугалась бабушка, – это же не дети, это бандиты.

– Я не вижу другого выхода, – хмуро отозвалась мать. – Надо испечь пирог, сделать угощение и вообще устроить детский праздник.

– Это бандиты и воры. Они же весь дом вынесут, – сопротивлялась бабушка.

– У тебя есть что красть? – холодно спросила мать.

Старушка промолчала.

– Твои старые ботинки никому не нужны.

– При чем тут ботинки?.. – тоскливо вздохнула бабушка. – Мальчика жалко.

Прошло две недели. Наступила спокойная и нежная весна. Высохла грязь. Остро отточенная трава покрыла засоренный двор, и все население, сколько ни старалось, никак не могло его замусорить, двор оставался чистым и зеленым.

Ребята с утра до вечера играли в лапту. Заборы покрылись меловыми и угольными стрелами – это «разбойники», убегая от «казаков», оставляли свои знаки.

Геня уже третью неделю ходил в школу. Мать с бабушкой переглядывались. Бабушка, которая была суеверна, сплевывала через плечо – боялась сглазить: обычно перерывы между болезнями длились не больше недели.

Бабушка провожала внука в школу, а к концу занятий ждала его в школьном вестибюле, наматывала на него зеленый шарф и за руку вела домой.

Накануне дня рождения мать сказала Гене, что устроит ему настоящий праздник.

– Позови из класса кого хочешь и из двора, – предложила она.

– Я никого не хочу. Не надо, мама, – попросил Геня.

– Надо, – коротко ответила мать, и по тому, как дрогнули ее брови, он понял, что ему не отвертеться.

Вечером мать вышла во двор и сама пригласила ребят на завтра. Пригласила всех подряд, без разбора, но отдельно обратилась к Айтыру:

– И ты, Женя, приходи.

Он посмотрел на нее такими холодными и взрослыми глазами, что она смутилась.

– А что? Я приду, – спокойно ответил Айтыр.

И мать пошла ставить тесто.

Геня тоскливо оглядывал комнату. Больше всего его смущало блестящее черное пианино – такого наверняка ни у кого не было. Книжный шкаф, ноты на этажерке – это было еще простительно. Но Бетховен, эта ужасная маска Бетховена! Наверняка кто-нибудь ехидно спросит: «А это твой дедушка? Или папа?»

Геня попросил бабушку снять маску. Бабушка удивилась:

– Чем она тебе вдруг помешала? Ее подарила мамина учительница... – И бабушка стала рассказывать давно известную историю о том, какая мама талантливая пианистка, и если бы не война, то она окончила бы консерваторию...

К четырем часам на раздвинутом столе стояла большая суповая миска с мелко нарезанным винегретом, жареный хлеб с селедкой и пирожки с рисом.

Геня сидел у подоконника, спиной к столу, и старался не думать о том, как сейчас в его дом ворвутся шумные, веселые и непримиримые враги... Казалось, что он совершенно поглощен своим любимым занятием: он складывал из газеты кораблик с парусом.

Он был великим мастером этого бумажного искусства. Тысячи дней своей жизни Геня проводил в постели. Осенние катары, зимние ангины и весенние простуды он терпеливо переносил, загибая уголки и расправляя сгибы бумажных листов, а под боком у него лежала голубовато-серая с тисненым жирафом на обложке книга. Она называлась «Веселый час», написал ее мудрец, волшебник, лучший из людей – некий М. Гершензон. Он был великим учителем, зато Геня был великим учеником: он оказался невероятно способным к этой бумажной игре и придумал многое такое, что Гершензону и не снилось...

Геня крутил в руках недоделанный кораблик и с ужасом ждал прихода гостей. Они пришли ровно в четыре, всей гурьбой. Белесые сестрички, самые младшие из гостей, поднесли большой букет желтых одуванчиков. Прочие пришли без подарков.

Все чинно расселись вокруг стола, мать разлила по стаканам самодельную шипучку с коричневыми вишенками и сказала:

– Давайте выпьем за Геню – у него сегодня день рождения.

Все взяли стаканы, чокнулись, а мама выдвинула вертящийся табурет, села за пианино и заиграла «Турецкий марш». Сестрички завороченно смотрели на ее руки, порхающие над клавишами. У младшей было испуганное лицо, и казалось, что она вот-вот расплачется.

Невозмутимый Айтыр ел винегрет с пирожком, а бабушка суежилась около каждого из ребят точно так же, как суежилась обычно около Генечки.

Мать играла песни Шуберта. Это была невообразимая картина: человек двенадцать плохо одетых, но умытых и причесанных детей, в полном молчании поедавших угощение, и худая женщина, выбивавшая из клавишей легко бегущие звуки.

<...>Все сидели тихо, не проявляя признаков нетерпения, хотя конфеты уже кончились. Ужасное напряжение, в котором все это время пребывал Геня, оставило его, и впервые мелькнуло что-то вроде гордости: это его мама играет, и никто не смеется, а все слушают и смотрят на сильные разбегающиеся руки. Мать кончила играть.

– Ну, хватит музыки. Давайте поиграем во что-нибудь. Во что вы любите играть?

– Можно в карты, – простодушно сказал Колюня.

– Давайте в фанты, – предложила мать.

Никто не знал этой игры. Айтыр у подоконника крутил в руках недоделанный кораблик. Мать объяснила, как играть, но оказалось, что ни у кого нет фантов. Лилька, девочка со сложно заплетенными косичками, всегда носила в кармане гребенку, но отдать ее не решилась – а вдруг пропадет? Айтыр положил на стол кораблик и сказал:

– Это будет мой фант.

Геня придвинул его к себе и несколькими движениями завершил постройку.

– Геня, сделай девочкам фанты, – попросила мать и положила на стол газету и два листа плотной бумаги. Геня взял лист, мгновение подумал и сделал продольный сгиб...

Бритые головы мальчишек, стянутые тугими косичками головки девчонок склонились над столом. Лодка... кораблик... кораблик с парусом... стакан... солонка... хлебница... рубашка...

Он едва успевал сделать последнее движение, как готовую вещь немедленно хватывала ожидающая рука.

– И мне, и мне сделай!

– Тебе он уже сделал, бессовестная ты! Моя очередь!

– Генечка, пожалуйста, мне стакан!

– Человечка, Геня, сделай мне человечка!

Все забыли и думать про фанты. Геня быстрыми движениями складывал, выравнивал швы, снова складывал, загибал уголки. Человек... рубашка... собака...

Они тянули к нему руки, и он раздавал им свои бумажные чудеса, и все улыбались, и все его благодарили. Он, сам того не замечая, вынул из кармана платок, утер нос – и никто не обратил на это внимания, даже он сам.

Такое чувство он испытывал только во сне. Он был счастлив. Он не чувствовал ни страха, ни неприязни, ни вражды. Он был ничем не хуже их. И даже больше того: они восхищались его чепуховым талантом, которому сам он не придавал никакого значения. Он словно впервые увидел их лица: не злые. Они были совершенно не злые...

Айтыр на подоконнике крутил газетный лист, он распустил кораблик и пытался сделать заново, а когда не получилось, он подошел к Гене, тронул его за плечо и, впервые в жизни обратившись к нему по имени, попросил:

– Геня, посмотри-ка, а дальше как...

Мать мыла посуду, улыбалась и роняла слезы в мыльную воду.

Счастливый мальчик раздаривал бумажные игрушки...

1976

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

«Читающая Россия» – так называется выставка, на которой может побывать каждый, кто любит книгу и чтение. Главный герой выставки – Человек читающий (Homo legens). На выставке можно узнать о произведениях, популярных в различные эпохи; о путях, какими писатели шли к своей популярности, и как продвигалась литература от автора к читателю, можно познакомиться с книгами на определённую тематику, например, книги о животных, книги о приключениях и т.п.

Попробуйте представить (в виде отзыва) посетителям этой выставки книгу, которая была бы интересна Вашим бабушкам и дедушкам, маме и папе, сестрам и братьям, подходила для семейного чтения, являлась средством общения с близкими людьми.

8 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте рассказ Т. Ш. Крюковой «Творец». Напишите связный текст. Определите тему рассказа, его проблематику, выделите позицию автора, охарактеризуйте особенности конфликта, основной сюжет и композицию рассказа. Проанализируйте образы героев и средства их создания. Найдите средства художественной выразительности и укажите их роль в воплощении авторского замысла. Выразите личное отношение к художественному произведению, аргументируйте свою точку зрения.

Т. Ш. Крюкова

ТВОРЕЦ

Давным-давно жил молодой маляр. Он красил заборы стены домов, и, казалось, был доволен своей жизнью, но никто не знал, что у него есть тайная мечта. Маляр всем сердцем хотел стать художником. Однажды он стоял на мосту и смотрел, как на воде играют солнечные блики, похожие на маленьких серебряных рыбок.

– Как бы я хотел передать хотя бы сотую долю красоты, что окружает нас! – воскликнул он.

И тут произошло чудо. Словно услышав его слова, на него слетела искра вдохновения. В тот же миг он понял, как заставить ожить на холсте отблеск закатного луча и предрассветную дымку, трепет листвы при дуновении ветерка и каплю росы на бутоне розы.

Юноша купил холст и краски и, наполненный творческим духом, принялся за работу. С утра до вечера он сидел за мольбертом, но не чувствовал усталости. С каждым днем его мастерство росло. И вот пришло время, когда его называли Художником. «Поистине, в нём горит Божия искра», – говорили люди.

Шли годы. Из крошечной комнатухи Художник переехал в особняк с большой и светлой мастерской.

Теперь его картины могли купить только очень богатые люди, да и работал он уже не так много, как прежде. Купаясь в лучах славы, он уверовал в то, что ему нет равных, и в том была доля правды. Сам король, оценив талант Художника, пожаловал ему титул Главного Придворного Живописца. Полотна маэстро больше не продавались: они принадлежали казне. Но именно теперь, когда он достиг вершины признания, Художник всё реже брал в руки кисть. Искра вдохновения угасала. Мастер часами простаивал перед мольбертом и уходил, так и не положив ни одного мазка. Однажды его охватил ужас бессилия перед белым холстом.

«Боже, я отдал бы всё за миг озарения!» – в отчаянии воскликнул он и, бросив кисть, выскочил из мастерской.

Влекомый неведомой силой, он вышел из дома и долго, не замечая ничего вокруг, бродил по городским улицам, пока, к своему удивлению, не оказался в бедном квартале. На пороге дешёвой таверны стояла совсем юная девушка поразительной красоты. Она была так хороша, что даже нищета не могла испортить её совершенства.

«Вот она, моя новая картина», – с восторгом подумал Художник, но тут кухарка вынесла девушке кусок хлеба, та взяла горбушку, засмеялась и побежала прочь.

Господин Придворный Живописец поманил служанку пальцем и высокомерно произнёс:

– Скажи-ка, кто эта нищенка?

– Это тутошняя дурочка, ваша милость. У неё нет ни дома, ни родни. Кормится людской милостью.

– Неужто дурочка? – удивился Художник. – Мне показалось, взгляд у неё осмысленный.

Кухарка, раскрасневшись от счастья, что разговаривает с Важным вельможей, доверительно зашептала:

– По правде сказать, Ваша милость, она не глупее многих умников, хотя деньгам цены не знает. Бывает, подадут ей милостыню, она с монетами поиграет, точно с камешками, да и выбросит. А ещё больше молчит, точно немая, но уж если скажет словцо, то не простое, а со значением.

– Ну так, когда она придёт, пошли её ко мне, – приказал Придворный Живописец, сунув в руки кухарки монету.

Время шло, а девушка всё не появлялась. Её прекрасное чистое лицо стояло перед глазами Художника во сне и наяву. Много раз он пытался перенести совершенные черты на холст, но тщетно.

Как-то ранним утром Главный Придворный Живописец вышел с мольбертом на луг и вдруг увидел её. Смеясь, она бежала по росистой траве. Лицо девушки покраснелось, а в медных кудрях словно запуталось солнце. Заметив незнакомца, она остановилась.

– Не бойся. Иди сюда, я не причиню тебе зла. Я напишу твой портрет, – подзвал её Художник.

Девушка молча подошла и опустилась на траву перед мольбертом. Искра вдохновения тотчас вспыхнула в Художнике ярким пламенем. Весь мир будто растворился и перестал существовать. В нём были только Мастер и Красота, палитра и холст. Художник очнулся, когда на небе запылало зарево заката.

Портрет был готов. С холста смотрело воплощённое совершенство. Казалось, ресницы девушки вот-вот дрогнут, а с детских губ сорвётся дыхание. Но главное – в глазах её таилась загадка, которую Художник так долго и тщетно пытался поймать.

Девушка поднялась, подошла к мольберту и в благоговейном восхищении уставилась на портрет.

«Даже эта необразованная нищенка чувствует руку творца», – с удовлетворением подумал Художник и самодовольно спросил:

– Нравится?

– Да, у тебя хорошая кисть. Она так чудесно рисует, – вдруг сказала девушка.

– Заслуга кисти тут невелика, – рассмеялся Художник. – Это в моих руках она что-то значит, потому что я – творец, поняла?

Девушка радостно кивнула:

– Поняла. Ты – кисть в руках Творца. Ты счастливый. Не каждому это дано. Он водит тобой. Твоя заслуга тут невелика.

Кровь бросилась Художнику в голову. Он только что создал величайшее из своих творений, а какая-то глупая оборванка позволяет себе дерзить.

– Я не кисть. Я – творец! – крикнул Художник, и тотчас искра вдохновения погасла в нем навсегда.

Прошло много лет. На мосту стоял юноша и смотрел, как на воде играют солнечные блики.

– Как бы я хотел передать хоть сотую долю той красоты, что нас окружает! – воскликнул он.

Услыхав его слова, проходивший мимо старьевщик остановился и задумчиво произнёс:

– Когда-то я это мог. Я был Главным Придворным Живописцем.

Видя недоверчивый взгляд юноши, старик поманил его за собой. Они пришли в убогую каморку на чердаке обветшалого дома, где всё говорило о крайней нужде её обитателя: замызганные стены, куча грязного тряпья вместо кровати. И вдруг среди вопиющей нищеты юноша увидел портрет девушки. С холста на него смотрело воплощённое совершенство. Поистине, это было творение величайшего мастера.

– Я бы отдал всё, чтобы научиться так писать! – пылко воскликнул юноша.

– Увы, этому нельзя научиться, – покачал головой старик. – Для этого надо, чтобы Творец водил твоей рукой

1998

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

«Читающая Россия» – так называется выставка, на которой может побывать каждый, кто любит книгу и чтение. Главный герой выставки – Человек читающий (Homo legens). На выставке можно узнать о произведениях, популярных в различные эпохи; о путях, какими писатели шли к своей популярности, и как продвигалась литература от автора к читателю, можно познакомиться с книгами на определённую тематику, например, книги о животных, книги о приключениях и т.п.

Попробуйте представить (в виде отзыва) посетителям этой выставки Вашу любимую книгу о подростках.

9 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Марина и Сергей Дяченко

ПИСАТЕЛЬ

Клавдия Васильевна вызвала меня к себе в кабинет и спросила очень грозно:

– Это что такое?

Перед ней на столе лежала моя тетрадка по русскому языку. Она давно закончилась, и на последней странице я немножко написал от себя. Всего несколько строчек.

– Это что такое, я тебя спрашиваю?!

– Тетradка, – сказал я и покраснел.

– Вижу! А в тетрадке что?

И она открыла последнюю страницу:

– «Однажды утром капитан Железный Глаз вышел на палубу своего космического крейсера...» Что это? Где ты это прочитал?

– Нигде, – признался я, потому что выкрутиться никак не получалось. – Я это сам придумал.

– Сам?! Придумал и написал?

По ее голосу я понял, что случилось что-то совсем ужасное.

– Ну! Отвечай!

– Я больше не буду, – сказал я и всхлипнул.

– Ты что, писатель? А?

– Нет.

– Может, у тебя есть талант? Говори!

– Нет...

– Может, твоя фамилия Полимеров?!

– Нет...

– Так почему ты позволяешь себе писать в тетради то, что сам придумал?!

Я молчал, потому что отвечать было нечего. Это Ленка-ябеда, наверное, вытащила у меня из парты тетрадку и отнесла Клавдии Васильевне. Она слышала, как я шепотом читал свое сочинение Борьке.

– Я больше не буду...

– Если еще хоть раз тебя на этом поймают, – сказала Клавдия Васильевна, – можешь прямиком собираться в спецшколу! А это я забираю и в четверти по русскому ставлю двойку. Иди и хорошенько подумай над своим поведением!

Я вышел в коридор и стал думать.

Через неделю должна выйти новая книжка Виталия Полимерова. Очень долго ждать. Писатель не может сочинять больше двенадцати книжек в год, потому что писательское творчество – очень медленный и важный процесс. Поэтому мы получаем только по книжке раз в месяц. И нам еще везет, что Виталий Полимеров наш соотечественник. А в других странах, где нет Писателя, еще приходится ждать перевода на иностранный язык.

На каждой улице висит плакат с названием новой книжки Полимерова. Но и так всем известно, что новая книжка будет называться «Разрывающий гром». Уже по всей стране работают типографии, и миллиарды книг будут напечатаны точно в срок, и их завезут во все книжные магазины, где стоят на всех полках допечатки прежних книг Полимерова. Но это будет только через неделю.

Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, я решил сам придумывать приключения полюбившихся героев. Например, капитана Железный Глаз. А из-за проклятой Ленки Клавдия Васильевна меня засекла.

Я грустно взял портфель и пошел домой. Мама огорчится, узнав, что у меня двойка по русскому. А еще больше она огорчится, узнав, что Клавдия Васильевна забрала тетрадку с моим сочинением.

Я сам видел позавчера, как мама, от всех спрятавшись, потихоньку читала телефонную книгу. Мы все очень любим читать. Двести тридцать шесть книг Полимерова, составляющие нашу домашнюю библиотеку, зачитаны до дыр и выучены почти наизусть.

Жалко, что я не Писатель и у меня нет Таланта. Писатель во всем мире может быть только один. Его читают Все на Свете, и еще у него Слава и Огромные Тиражи.

Папа однажды сказал в сердцах, что весь наш мир похож на чью-то выдумку. Такого, конечно, быть не может. Выдуманные миры существуют только в книжках.

Но будь я писатель Полимеров с Талантом – я бы, конечно, устроил наш мир именно так.

2012

Примечание: Мари́на и Серге́й Дяче́нко – писатели, сценаристы, работающие в соавторстве на русском и украинском языках в жанрах современной научной фантастики, фэнтези, сказки и др. Данное произведение входит в сборник фантастических миниатюр «Фотосессия»

Ф. Глинка

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам сладок и приятен
(Державин)

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул – и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
1825

Густеют молодые ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик – дар Валдая –
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

По традиции в рамках ежегодной Московской международной книжной выставки-ярмарки вручается премия «Книга года». В результате голосования членов жюри определяются лучшие книги в десяти номинациях. Одна из них называется «Книгуру» и является Всероссийским конкурсом на лучшее литературное произведение для детей и юношества. Окончательное решение в нем принимает открытое жюри, состоящее из читателей в возрасте от десяти до шестнадцати лет.

Напишите текст небольшого выступления, в котором Вы убеждаете Ваших сверстников голосовать за три книги русской литературы, достойные, по Вашему мнению, победы в этой номинации.

10 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

В. П. Астафьев

ВЕСЕЛЫЙ СОЛДАТ (ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ)

Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!

Н. В. Гоголь

Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне.

Случилось это на восточном склоне Дуклинского перевала, в Польше. Наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона, во взводе управления которого я, сменив по ранениям несколько военных профессий, воевал связистом переднего края, располагался на опушке довольно-таки дремучего и дикого для Европы соснового леса, стекавшего с большой горы к плешинкам малоуродных полей, на которых оставалась неубранной только картошка, свекла и, проломанная ветром, тряпично болтала жухлыми лохмотьями кукуруза с уже обломанными початками, местами черно и плешисто выгоревшая от зажигательных бомб и снарядов.

Гора, подле которой мы стали, была так высока и крутоподъемна, что лес редел к вершине ее, под самым небом вершина была и вовсе голая, скалы напоминали нам, поскольку попали мы в древнюю страну, развалины старинного замка, к вымоинам и щелям которого там и сям прицепились корнями дерева и боязно, скрытно росли в тени и заветрии, замороженные, кривые, вроде бы всего – ветра, бурь и даже самих себя – боящиеся.

Склон горы, спускаясь от гольцов, раскатившийся понизу громадными замшелыми камнями, как бы сдавил оподолье горы, и по этому оподолью, цепляясь за камни и корни, путаясь в глушине смородины, лещины и всякой древесной и травяной дури, выключившись из камней ключом, бежала в овраг речка, и чем дальше она бежала, тем резвей, полноводней и говорливей становилась.

За речкой, на ближнем поле, половина которого уже освобождена и зелено светилась отавой, покропленной повсюду капельками шишечек белого и розового клевера, в самой середине был сметан осевший и тронутый чернью на прогибе стог, из которого торчали две остро обрубленные жерди. Вторая половина поля была вся в почти уже пониклой картофельной ботве, где подсолнушкой, где ястребинкой взбодренная и по меже густо сорящими лохмами осота. <...>

Крестик на костеле игрушечно мерцал, возникая из осеннего марева, сельцо обозначилось верхушками явственной, донесло от него петушьи крики, вышло в поле пестренькое стадо коров и смешанный, букашками по холмам рассыпавшийся табунчик овец и коз. За селом холмы, переходящие в горки, затем и в горы, далее – грузно залегший на земле и синей горбиной упершийся в размытое осенней жижей поднебесье тот самый перевал, который перевалить стремились русские войска еще в прошлую, в империалистическую, войну, целясь побыстрее попасть в Словакию, зайти противнику в бок и в тыл и с помощью ловкого маневра добыть поскорей по возможности бескровную победу. Но, положив на этих склонах, где мы сидели сейчас, около ста тысяч жизней, российские войска пошли искать удачи в другом месте. <...>

Пока мы, взвод артиллерийского дивизиона, умаянные ночной работой, просыпались, очухивались, немцы <...> оказались у самого нашего носа и окапывались уже по краям клеверного и картофельного полей, ожидая, вероятно, подкрепления. Но тут со сна, с переполоху открылся такой огонь, такой треск поднялся, что немцы сперва и ока-

пываться перестали, потом, видя, что мы палим в белый свет как в копеечку, снова заработали лопатками. Кто-то из наших командиров уже бежал вдоль опушки, и кричал, и стонал: «Прицелы! Прицелы, растуды вашу туды!» Я глянул на прицел карабина и тоже изругался: прицел стоял на «постоянном» – в кого тут попадешь?! Сдвинул скобу на цифру пятьсот и вложил новую обойму.

Немцы перебежками пошли вперед, приближаясь к лесу. Мне, да и всем, наверное, казалось, что расстояние между нами и ними сокращалось уж как-то слишком быстро, но слева от дороги, где был наблюдательный пункт штаба бригады, заработали два станковых и несколько ручных пулеметов. Немцы залегли, начали продвигаться вперед по-пластунски, еще бросок – и тут, в лесу, мы или тоже драпанем, или уж зубы в зубы – у нас такое бывало. На Днепре, брошенные пехотой, мы схватывались с немцами на наблюдательном лоб в лоб, зубы в зубы – мне та драчка снится до сих пор.

Я начал переводить планку на двести пятьдесят метров и услышал команды, доносившиеся из блиндажа командира дивизиона. «Залечь! Всем залечь!» – разнеслось по опушке. Прекратив огонь, мы попадали на дно ячеек щелей, ходов сообщений. Немцы подумали, что мы тоже драпанули, как наша доблестная пехота, поднялись, радостно загомонили, затрещали автоматами – и тут их накрыло залпом гаубиц нашего и соседнего дивизионов. Не знали немцы, что за птицы на опушке-то расположились, что не раз уж этим артиллеристам приходилось быть открываемыми пехотой и отбиваться самим, и никогда так метко, так слаженно не работали наши расчеты: ведь малейший недоворот, недочет – и мы поймем свои снаряды. Но там же «наших бьют», а многие «наши» шли вместе от русской реки Оки и до этой вот польской бедной землицы, знали друг друга не только в лицо, но и как брата знали – брата по тяжелым боям, по непосильной работе, по краюшке хлеба, по клочку бинта, по затяжке от сигарки. <...>

Я долго вел войну вслепую, тужась поразить как можно больше врагов, и тыкал карабином то туда, то сюда, уже по щиколотку стоял в своей щели в пустых горячих гильзах, руки жгло карабином, масло в замке горело, а уверенности, что я ухряпал или зацепил хоть одного немца, не было.

Наконец, уяснив, что всех врагов мне одному не перебить, я уцепил на прицел определенного немца. Судьба его была решена. Перебрав и перепробовав за время пребывания на передовой всякое оружие – как наше, так и трофейное, – я остановился на отечественном карабине как самом ловком, легком и очень прицельном стрелковом оружии. Стрелял я из него давно и метко. Днями, желая прочистить заросшую дыру в карабине, я заметил заливающегося на вершине ели молодого беззаботного зяблика, прицелился и разбил его пулей в разноцветные клочья. Разбил птичку – и зареготал от удовольствия. Кто-то из старых вояк сказал: «Болван, эт-твою мать!» <...>

Немец, мною намеченный, чаще других поднимался из картошки и бросками, то падая, то ложась, бежал за скирду клевера. На отаве клевера, яркой, как бы осыпанной комочками манной кашицы, новоцветом, он полз, и довольно быстро, потом вскакивал и опрометью бросался в укрытие, за скирду. На спине его, прицепленный к ранцу, взблескивал котелок. Я поставил планку на триста пятьдесят метров и несколько раз выстрелил по этому котелку, когда немец лежал в картошке. Попадало, должно быть, близко, но не в солдата, видать малоопытного, иначе давно бы он снял ранец с котелком – мισηнь на спину опытный солдат никогда себе навесить не позволит.

Скорее всего, немец этот был связным. Там, за скирдой, сидел командир роты или взвода и посредством связного отдавал распоряжения в цепи. Залегшие и уже хорошо окопавшиеся в картошке, все более и более растягивающиеся левым крылом роты к оврагу, наши связные уже сбегали по оврагу и речке к хутору, расположенному справа, сообщили обстановку, и оттуда отсекающим от леса огнем били пулеметы и, как было

сообщено, налаживалась атака силами батальона да еще выловленных в оврагах «западников» и двух или четырех танков.

Ну, «силами батальона» звучит громко, в батальоне том если осталось человек восемьдесят, так и то хорошо, а «западники» – они пройдут до поля и залягут, ведя истребительный огонь. Вот если танки, пусть и два будут, да наши ахнут из гаубиц – тогда, пожалуй, противнику несдобровать. Но пока он, немец с котелком, залег в картошке, припал за бугорком, ровно бы кротом нарытым, и не шевелится – убил я его уже? Или еще нет? На всякий случай держу на мушке. И вот он, голубчик, выдал себя, вскочил, побежал согнувшись, готовый снова ткнуться за бугорочек. Но я поймал на мушку котелок, опор ложей сделал к плечу вплотную, мушку довел до среза и плавно нажал на спуск.

Немец не дотянул до следующего бугорка два-три метра и, раскинув руки, словно неумелый, напуганный пловец, упал в смятую, уже перерытую картошку. Я передернул затвор, вогнал новый патрон в патронник и неумолимо навис над целью дулом карабина.

Но немец не шевелился и более по полю не бегал и не ползал. Я еще и еще палил до обеда и после обеда. Часа в четыре из хутора вышли два танка, за ними засуетились расковырянным муравейником пехотинцы, ударили наши орудия, жажнули мы из всего и чем могли, и немцы, минуя село, из которого утром пошли в атаку, потому что там тоже какая-то стрельба поднялась, не перебежками, россыпью рассеянной, молчаливой толпой бросились бежать за холм и дальше, тут и скирда сырого клевера, которую весь день зажигали пулями и не могли зажечь, густо задымила, бело и сыро, потом нехотя занялась.

Я нашел «своего» немца и обрадовался меткости. Багровое пятно, похожее на разрезанную, долго лежавшую в подвале свеколку, темнело на сереньком пыльном мундире, над самым котелком. По еще не засохшей, но уже вязко слипшейся в отверстии крови неземным, металлически отблескивающим цветком сидели синие и черные толстые мухи, и жуки с зеленой броней на спине почти залезли в рану, присосались к ней, выставив неуклюжие круглые зады, под которыми жадно скреблись, царапались черные, грязные, резиновой перепонкой обтянутые лапки с красно измазанными острыми коготками.

Я перевернул уже одеревенелое тело немца. После удара пули он еще с полминуты, может, и более жил, еще царапал землю, стремясь уползти за бугорок, но ему досталась убойная пуля. В обойме русской винтовки пять пуль (карабин – это укороченная, модернизированная винтовка), четыре из пяти пуль с окрашенными головками: черная – бронебойная, зеленая – трассирующая, красная – зажигательная, белая – не помню, от чего и зачем. Должно быть, разрывная. Пятый патрон – обыкновенный, ничем не окрашенный, на человека снаряженный. В бою мне было не до того, чтобы смотреть, какой патрон и на кого в патронник вгоняю. Выход на груди немца был тоже аккуратен – не разрывной, обыкновенной смертельной пулей сокрушил я врага. Но все же крови на мундире и под мундиром на груди было больше, чем на спине, вырван наружу клочок мундира, выдрана с мясом оловянная пуговица на клапане, вся измазанная загустелой кровью и болтавшаяся вроде раздавленной вишенки с косточкой внутри.

Немец был пожилой, с морщинистым худым лицом, обметанным реденькой, уже седеющей щетиной; глаза его, неплотно закрытые, застыло смотрели мимо меня, в какую-то недостижимую высь, и весь он был уже там где-то, в недоступных мне далях, всем чужой, здесь ненужный, от всего свободный. Ни зла, ни ненависти, ни презрения, ни жалости во мне не было к поверженному врагу, сколько я ни старался в себе их возбудить.

И лишь: «Это я убил его! – остро протыкало усталое, равнодушное, привычное к мертвецам и смертям сознание. – Я убил фашиста. Убил врага. Он уже никого не убьет. Я убил. Я!...»

Но ночью, после дежурства на телефоне, я вдруг заблажил, что-то страшное увидев во сне, вскочил, ударился башкой о низкий настил-перекрытие из сосновых сучков на своей щели. Попив из фляги воды, долго лежал в холодной осенней земле и не мог уснуть, телом ощущая, как, не глубоко мною зарытый в покинутом окопчике, обустривается навечно в земле, чтобы со временем стать землею, убитый мною человек. Еще течет меж пальцев рук, в полураскрытые глаза и в рот мертвеца прах скудного рыхлого, прикарпатского крестьянского поля, осыпается комочками за голову, за шею, гасит последний свет в полусмеженных глазах, темно-синих от мгновенной сердечной боли, забивает в последнем крике разжатый рот, в котором не хватало многих зубов и ни золотые, ни железные не были вставлены взамен утраченных.

Бедный, видать, человек был – может, крестьянин из дальних неродовитых земель, может, рабочий с морского порта. Мне почему-то все немецкие рабочие представлялись из портов и горячих железоделательных заводов.

Тянет, обнимает земля человека, в муках и для мук рожденного, мимоходом с земли смахнутого, человеком же убитого, истребленного. Толстозадые жуки с зелеными, броневыми, нездешними спинами роют землю, точат камень, лезут в его глубь, скорей, скорей, к крови, к мясу. Потом крестьяне запашут всех, кто пал на этом поле, заборонят и снова посадят картошку и клевер. Картошку ту будут варить и есть с солью, запивать ее сладким, густым от вкусного клевера молоком; под плуг попадут гнезда тех земляных жуков, и захрустят их броневые, фосфорической зеленью сверкающие крылья под копытами коня, под сапогами пана крестьянина.

Нечего сказать, мудро устроена жизнь на нашей прекрасной планете, и, кажется, «мудрость» эта необратима, неотмолима и неизменна: кто-то кого-то все время убивает, ест, топчет, и самое главное – вырастил и утвердил человек убеждение: только так, убивая, поедая, топча друг друга, могут сосуществовать индивидуумы земли на земле.

Немец, убитый мною, походил на кого-то из моих близких, и я долго не мог вспомнить – на кого, убедил себя в том, что был он обыкновенный и ни видом своим, ни умом, наверное, не выдававшийся и похож на всех обыкновенных людей. <...>

1998

Н. А. Некрасов

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град, заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посадки и деревни,
И храмы божии, и царские дворцы?
Тот мудрый град, где, смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад бушует «Русский вестник»,
Где «Атеней» как ручеек журчал.

Ты знаешь град? – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: «Тот град славнее Рима»,
Прозаик «сердцем родины» зовет,
Поэт гласит «России дочь любима»,
И «матушкою» чествует народ.

Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12-м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл.

Ты знаешь град? – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади.
Там уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди.

В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер:
В последней ли войне, в вопросе ли крестьянском

Мы не один найдем тому пример...

Ты знаешь град? – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отсюду веет чисто русский дух;
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выпренный настраивает лад –
Царь-колокол лежит, царь-пушка не
стреляет,
И сорок сороков без умолку гудят.

Волшебный град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена,
Там в головах у всех такая ясность,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей невоской,
Подметят всё – оценят, разберут:
Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют!

Правдивый град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи;
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои,

1859

Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сечь детей?
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей.

Мудреный град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там (Шевырев) был поражен сугубо,
Там сам себя Чичерин поразил.
Там что ни муж – то жаркий друг про-
гресса,
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что на пути к нему вернее – пресса
Или умно направленная плеть?

Разумный град! – Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град!.. Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там,
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряжение дам.
И что роман? Там поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют.
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают!

Серьезный град! – Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

По традиции в рамках ежегодной Московской международной книжной выставки-ярмарки вручается премия «Книга года». В результате голосования жюри определяет лучшие книги в десяти номинациях. Одна из них называется «Книги, изменившие мир».

Напишите текст небольшого выступления, в котором Вы убеждаете членов жюри голосовать за три книги русской литературы, достойные, по Вашему мнению, победы в этой номинации.

11 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Э. Кочергин

СВЕТОПИСЕЦ

Б.Н. Стукалову, фотографу БДТ

«Кто меня знал, да помянет душу мою для спасения своей души»

Надпись на могиле Ксении Блаженной

В северо-восточной части Васильевского острова, над Съездовской линией и пятью старинными переулками: Тучковым, Волховским, Биржевым, Двинским и Кубанским, возвышается своим серым куполом большой православный храм Святой Екатерины, знаменитый в прежние времена тем, что в нем находилась чудотворная икона покровительницы строителей. На мощном куполе до сих пор стоит ангел, названный местными богомольцами Ангел Пустые Руки: в тридцатые годы из его рук выбили крест. В среде верующих считалось, что, ежели вернется к ангелу крест, наступит благоденствие и процветание острова.

А пока на нашем Васильевском шел 1954 год.

Прошел год, как не стало кормчего. Мало что изменилось в людской житухе, все было, как было. <...> На переулочные земли, как прежде, забредали ходячие ремесленники: точильщики ножей, ножниц, лудильщики – «лудить, паять кастрюли, ведра чинить», хламидники, или халаты, – сборщики тряпья и утиля, по питерской традиции — татары. По выходным дням и праздникам на переулках появлялись цыганки с ярко-красными, желтыми, зелеными сладкими петушками на палочках. Рукастые тетки продавали раскидаи – цветные бумажные мячики на резинках. <...>

Раз в неделю, по воскресеньям, приходила к нам с первых линий знаменитая островная дурка Катя, или, как ее величало пацанье, Катька-императрица. Она шествовала по нашему тихому бестрамвайному отрезку Среднего проспекта в сторону Тучковой набережной, глядя прямо перед собой в одну какую-то точку, и на ходу ловко подбрасывала мячик для игры в лапту. В будничные дни маршрут ее гуляний был коротким — от угла Шестой линии, где в сороковых домах она жила со своей старой бабкой, до Третьей линии по Среднему проспекту, точнее, до портала кирхи Святого Михаила. У кирхи Катька резко останавливалась, поворачивалась к ней лицом, три раза кивала своей марионеточной головой в сторону давно закрытого храма, снова резко разворачивалась к Шестой линии и, включив механизм подбрасывания мячика, заводной игрушкой шла назад. И так несколько раз подряд – туда-сюда, зимой и летом, каждый Божий день, кроме воскресенья. У образцово-показательной школы № 26, что на Среднем, пацанов, дразнящих ее Катькой-царицей-немкой-мокрицей, дурка снайперски оплевывала, не переставая подбрасывать мячик. Ее кукольное личико, всегда бледное и застывшее, улыбалось только одному человеку на острове – старому уличному фотографу с Тучкова переулка.

Фотограф – по-русски светописец – вернулся с войны орденосцем и одноногим инвалидом. Костыль и трость работали у него вместо треножника. Взрослых снимал с костыля, детей с трости благодаря самопальным приспособам. Дядю Ваню, или деда Ваню, на переулках никто фотографом не обзывал, звали только светописцем. Так именovali его взрослые дяденьки и тетеньки, блокадные старики и старушки. Стариков, правда, у нас почти не было – перевелись еще до войны или в войну сгинули.

По воскресеньям и праздничным дням дядя Ваня к постоянно носимому ордену Красной Звезды присоединял множество других орденов и медалей, полученных им на войне. Во всем своем параде он выходил на угол Среднего проспекта и Тучкова переулка. Ровно в час к стоявшему по стойке смирно Светописцу подходила Катька-императрица. За несколько шагов прекратив подбрасывать мячик, кланяясь марионет-

кой три раза, как кирхе Святого Михаила, притрагивалась тонкими девственными пальчиками левой руки к блестящим металлическим медалькам Иванова «иконостаса» и, улыбнувшись ему, резко разворачивалась на сто восемьдесят градусов и заведенной игрушкой шла назад, подбрасывая мячик.

В отличие от взрослых, мы, мелкая переулочная живность, звали светописца просто дедой Иваном и любили приставать к нему со всякими глупостными вопросами. Например, татарчонок Марат, прозванный за малюсенький рост и подвижность Мурашом в честь малых муравьев, спрашивал его: «Деда Иван, а правда, что за отрыв ноги в войну тебе орден Красной Звезды дали?».

– Кто тебе наболтал... ересь такую?

– В ребятне нашей слышал!

– Услышишь еще раз, обругай глупостью. Награждают за военную работу, а не за ноги и руки.

– А, значит, Трехбуквенный мужик на войне не работал, ему за оторванную руку ничего не дали.

– Скажи, деда Иван, а правда, что у Тяни-Толкая две головы, да?.. А ты видел Тяни-Толкая?

– Видел на спичечной коробке. Там нарисовано две головы: одна сюда, другая туда.

– Во как здорово! А есть у тебя эти спички?

– Нет, Мураш, уже давно отдал их.

– А кому ты их отдал?

– Да такому же любопыту, как ты.

– Во повезло пацану! Ты бы мне их отдал. Я бы Тяни-Толкая оживил и катался на нем всласть во все четыре стороны.

Жил дядя Ваня в огромной коммуналке на Тучковом переулке. Вернувшись с фронта домой на Васильевский, он не застал в живых ни жену, ни дочь. Приспособился к одиночеству, с соседями почти не общался. В восемнадцатиметровой комнате оборудовал фотомастерскую. Как многие пораженные войной фронтовики, официально работал от артели инвалидов. Снимал по вызовам: ходил по улицам, домам, квартирам. Снимал свадьбы, похороны, семьи. Снимал любимых собак, кошек, снимал все, что полагалось снимать уличному фотографу, но более всего любил фотографировать детей.

Все дети, да что там, все самые малые малютки и крохи острова знали, что обещанная дедом Ваней птичка точно вылетит из его аппарата, только надо не шевелиться.

– А ты, кроха, стой, не шевелись и смотри в это стеклышко, – говорил он Цапке-Царапке – малюсенькой девчонке с Двинского переулка, – как только птичка вылетит, так и все, ты уже сфотографирована.

Он надевал на трость острый наконечник и, вонзив ее в землю, специальным устройством закреплял на ручке аппарат. Затем вставал перед ним на единственное колено, покрывал аппарат вместе со своим седым куполом черной тряпицей, называемой им маркизой, прицеливался и на словах «Внимание – птичка» спускал курок. Одновременно со щелчком затвора деда Иван отщелкивал правой рукой из-под маркизы в сторону застывшей крохи малюсенькую птичку, сделанную из яркого конфетного фантика. Радости не было конца.

По воскресеньям деда Иван в сопровождении ребятни разносил готовые карточки по острову. Это был настоящий праздник. Родовались все вместе. Каждая фотография, прежде чем попасть к хозяину, рассматривалась и комментировалась всей кучей. Особенно удачными у деда-светописца получались малые персоны: вероятно, благодаря фантиковым птичкам. Даже страшненький косолапый пацаненок, награжденный странной обзывалкой – Плохарь, – и тот на карточке выглядел вполне нормальным. Фотографируя его, деда Иван спрашивал:

– А как тебя, старичок с ноготок, зовут?

– Плохаль, – скартавил «старичок», засовывая два пальца в рот.

– Плохарь, – поправил его Мураш-Марат.

– За что так чудно тебя обзывают?

– Да харей не вышел, – ответил за малька Мураш. – Вон страшила на ножках какая, в зоопарке таких не водится.

– Ты злой, Мураш, не торопись говорить. Вот сниму с него фотокарточку, и ты увидишь, что он не хуже тебя.

В тех островных местах, где появлялся Иван-Костыль в своем темно-сером пиджаке с орденом Красной Звезды на груди, сразу же прекращались пацаньи войны. Даже самые драчливые подброски-падлы с Соловьевского переулка мирились на время со своими смертельными врагами – недоростками-антипадлами со Второй и Третьей линий. Он был свой на острове, свой среди своих. Улыбались ему все — большие и малые человеки, длинные и короткие. Улыбались до 1954 года.

В первых числах октября, после обеда, Иван-Костыль возвращался с Голодая, где на Железноводской улице снимал по вызову голодайскую безотцовщину. На Тучковой набережной, между Пятой и Шестой линиями, к нему подошли два типа в штатском, показали какие-то корочки и велели следовать за ними. Иван подумал, что на него напали налетчики и хотят отобрать кормильца – аппарат. Он быстро встал на свое единственное колено, сунул палку под левую руку и, облокотясь на нее, правой рукой схватил костыль за нижнюю часть и приготовился к обороне. Налетчики снова стали совать ему какие-то удостоверения, но он, не обращая внимания, угрожающе вращал костылем, не позволяя приблизиться к себе. Постепенно собралась толпа. Многие знали светописца и пытались отбить старика. Типы достали штатные милицейские свистки и зашвистели в них. С Восьмой линии прибежал постовой, за ним еще двое в форме. Иван понял – на него напала власть, и сдался. Сочувствующие из толпы провожали Костыля до легавки со словами: «За что, за что взяли-то? Он инвалид войны, фронтовик, наших детей фотографирует – имейте совесть». К конвою милиционеров и толпе присоединилась дурка Катя, прекратившая подбрасывать свой вечный мячик, молча шла вместе со всеми до милиции.

Допрашивал дядю Ваню молоденький очкастый лейтенант. По его вопросам Костыль понял, что на него настучала квартирная соседка Лилька Белая, или Лилька Браун, так обзывал ее народ из коммунального муравейника, помятуя о гитлеровской Еве Браун.

Действительно, стукачкой она была знатной, идейной, со стажем. В простенке между окнами ее комнаты на самом видном месте висел в наглую знаменитый плакат тридцатых годов: «Помни ежовые рукавицы!». Совсем недавно она была в силе и ничего не скрывала, а наоборот, гордилась стукачеством. Философию свою выражала очень просто: «Лучше стучать, чем перестукиваться». Соседке-аптекарьше хвасталась, что за заслуги перед Родиной имеет удостоверение на лечение в специальной клинике НКВД, которая находится на углу Дзержинской улицы и улицы Гоголя. Это был дом графини Голицыной – прообраза пушкинской Пиковой дамы. Все было хорошо, да мужской товар до нее никак не доходил, хотя смазливости в ней хватало. <...>

Костыля задержали по доносу Лильки за религиозную пропаганду, а также за производство и сбыт ритуальных изделий. Он по просьбе служителей Николо-Богоявленского собора и по доброте душевной в комнатухе своей, наряду с мирскими фотографиями, печатал на фотобумаге и подкрашивал пасхальными красителями венцы и поминальные иконки для усопших. Раз в месяц от Николы с Коломны к нему приходила девушка вся в черном, напоминавшая Ивану погибшую в блокаду дочь, и, перекрестясь, забирала готовую партию, чтобы ушедших в иной мир обрядить перед отпеванием, как полагается по православному обычаю, с венцом на челе и иконкой на груди. Денег за работу он не брал, брал гроши только за матерьялы.

Лилька нюхом своим давно почувствовала, что что-то скрытное имеется у ее соседа-светописца. И после долгой разведывательной работы выяснила, что Иван, кроме обыкновенных фотографий, печатает еще какие-то большие и сушит их прямо на стеклах своих окон. Проникнув в его комнату, когда тот мыл посуду, она увидела, что сушилось у фотографа, и – как положено, накатала телегу в НКВД про бывшего фронтовика-орденоносца, занимающегося религиозной пропагандой и спекуляцией. Одновременно с арестом Ивана в его комнате произвели обыск и нашли вещественные доказательства – неразрезанные отпечатки венцов и фотоиконки с образом Тихвинской Божьей Матери.

На допросе Иван не сопротивлялся. Главное, что интересовало допрашивавшего лейтенанта: почему фронтовик, орденосец занимался таким непопозволенным делом.

– Узнай у своих родных, товарищ лейтенант, у матери, отца, деда, как они собираются уходить из жизни: по-христиански или по-собачьи. Я не знаю, как ушли мои — жена, дочь, не знаю даже, где искать их останки, где можно было бы колено преклонить. В память о них я не мог отказать Никольской церкви. Кто-то ведь должен это делать. Нельзя выбрасывать то, что многие сотни лет справлялось у людей. Без венца и ладанки ранее никого не отпевали и не хоронили. А про спекуляцию, товарищ лейтенант, напрасно обвиняете. Денежку брал только за матерьял. Да и по традиции, я вам скажу, без денежки такие вещи никогда в другие руки не давались, как и носильные крестики выкупить надобно было.

При обыске из правого кармана его пиджака извлекли множество маленьких птичек, ловко сделанных из конфетных фантиков. На вопрос, зачем они ему нужны, он не ответил.

После допроса светописца вывели из кабинета в дежурку, где легавый амбал, один из нападавших на набережной, уже переодетый в форму сержанта, приказал:

– Сними показуху, дед.

– Что? Что?

– Я говорю тебе, сними орден.

– Зачем?

– Не положено с таким орденом в камере находиться.

– Да ты что, я за него под Кенигсбергом Костылем стал. Получил от высоких командиров именем самого Сталина, а ты снять с меня хочешь. Нет уж, ты с ним меня в камеру и сажай, коли приказ начальников имеешь.

– Так что ж, дед, нам снять придется, – ответил ему сержант, и три здоровенных притырка бросились на фотографа. Откинув палку с костью в сторону, заломили ему руки за спину, и самый молодой из них начал свинчивать орден с лацкана пиджака.

– Шнурок безусый, – побагровев, захрипел дед Иван, – не трожь, мародер! Я его кровью заработал! – Его стало трясти, он с силой двинул культишкой ноги в безусого, тот отскочил. Двое легавых рванули деда на себя, и вдруг он обмяк в их руках. Голова его упала на орденосную грудь. Они от неожиданности отпустили ему руки, и он рухнул на пол. С последней судорогой вытянулся на грязном полу милицейской дежурки, отдав Богу дух на глазах мучивших его погонников.

Дурка, торчавшая в поредевшей толпе у дверей ментовки, почуяв собакой смерть Костыля, завопила на весь остров своей девственной утробой, да так, что дрожь пошла по всей людской округе. Два молодых бугая в форме, высланные навести порядок, не смогли с нею справиться. Да и при народе обижать юродку в России не положено. Она орала до тех пор, пока по совету маклака-татарина две переулочные тетки не привели с Шестой линии древнюю островитянскую бабку-немку, чудом оставшуюся в живых после всех исторических перипетий. Она взяла внучкину правую ладонь в свои пергаментные руки и, поглаживая ее, стала говорить дурке Кате что-то на своем древнем немецком наречии, часто повторяя одно слово: «Готт», «Готт», «Готт». Дурка постепенно начала успокаиваться и затем окончательно смолкла.

К дуркиному отпеванию светописца присоединился колокольный звон Князь Владимирского собора. Северный октябрьский ветер, ветер финских ведм, доносил его из-за Малой Невы с Петроградской стороны, заполняя мощным гудением линии и переулки нашего острова, зазывая на вечерню оставшихся богомольных старух. Казалось, что колокола Святой Екатерины на Съездовской линии, немецкой кирхи Святого Михаила на Среднем проспекте и лютеранского храма на Большом, давно закрытые советской властью, очнулись от летаргического сна и вторят звоннице Князь Владимирского собора, созывая своих давно исчезнувших прихожан на вечернюю молитву и нагоняя над опустевшими линиями и переулками холодную, сырую тревогу.

А на куполе Святой Екатерины, что возвышается над Съездовской линией и пятью старинными переулками, плакал Ангел Пустые Руки.

2005

Е. Евтушенко

ДВА ГОРОДА

Я, как поезд,
что мечется столько уж лет
между городом Да
и городом Нет.
Мои нервы натянуты,
как провода,
между городом Нет
и городом Да!

Все мертво, все запугано в городе Нет.
Он похож на обитый тоской кабинет.
По утрам натирают в нем желчью паркет.
В нем диваны – из фальши, в нем стены – из бед.
В нем глядит подозрительно каждый портрет.
В нем насупился замкнуто каждый предмет.
Черта с два здесь получишь ты добрый совет,
или, скажем, привет, или белый букет.
Пишмашинки стучат под копирку ответ:
«Нет-нет-нет...
Нет-нет-нет...
нет-нет-нет...»
А когда совершенно погасится свет,
начинают в нем призраки мрачный балет.
Черта с два –
хоть подохни –
получишь билет,
чтоб уехать из черного города Нет...

1964

Ну, а в городе Да – жизнь, как песня дрозда.
Этот город без стен, он – подобье гнезда.
С неба просится в руки любая звезда.
Просят губы любые твоих без стыда,
бормоча еле слышно: «А, – все ерунда...» –
и сорвать себя просит, дразня, резеда,
и, мыча, молоко предлагают стада,
и ни в ком подозрения нет ни следа,
и куда ты захочешь, мгновенно туда
унесут поезда, самолеты, суда,
и, журча, как года, чуть лепечет вода:
«Да-да-да...
Да-да-да...
Да-да-да...»
Только скучно, по правде сказать, иногда,
что дается мне столько почти без труда
в разноцветно светящемся городе Да...

Пусть уж лучше мечусь
до конца моих лет
между городом Да
и городом Нет!
Пусть уж нервы натянуты,
как провода,
между городом Нет
и городом Да!

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

По традиции в рамках ежегодной Московской международной книжной выставки-ярмарки вручается премия «Книга года». В результате голосования жюри определяются лучшие книги в десяти номинациях. В связи с годом кино организаторы представляют в этом сезоне новую номинацию «Книга и кино».

Напишите текст небольшого выступления, в котором Вы убеждаете членов жюри голосовать за три книги русской литературы, достойные, по Вашему мнению, победы в этой номинации.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И КЛЮЧИ К ЗАДАНИЯМ

5 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

№	Критерии	Стоимость
1	Отражение темы произведения	До 2 баллов
2	Выражение авторской позиции, авторского отношения к изображаемому	До 2 баллов
3	Характеристика сюжета произведения	До 3 баллов
4	Выделение ключевых образов, характеристика их роли в произведении	До 8 баллов (по 1 баллу за образ, по 1 баллу за характеристику)
5	Объяснение роли олицетворений (не менее трех) в тексте	До 6 баллов (по 1 баллу за олицетворение, по 1 баллу за характеристику)
6	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 6 баллов (3 за композицию и 3 за стилистическую однородность)
7	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <i>Примечание 1:</i> сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <i>Примечание 2:</i> при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 3 баллов
	Максимальная оценка	30 баллов

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

№	Критерии	Стоимость
1	Соответствие книги выбранной тематике, полное название книги и ее автора	До 3 баллов
2	Точность и глубина характеристики книги	До 5 баллов
3	Ориентация на адресата – потенциального читателя	До 3 баллов
4	Композиционная цельность и стройность работы участника	До 3 баллов
5	Оригинальность работы	До 3 баллов
6	Общая языковая и речевая грамотность	До 3 баллов
	Максимальная оценка	20 баллов

Примечание: Задание направлено на проверку как общей читательской эрудиции и вкуса участника Олимпиады, так и его умения емко и занимательно представить конкретную книгу, охарактеризовав ее с учетом адресата – потенциального читателя.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 5-м классе – 50.

6 КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

№	Критерии	Стоимость
1	Отражение темы произведения	До 2 баллов
2	Выражение авторской позиции, авторского отношения к изображаемому	До 2 баллов
3	Характеристика сюжета произведения	До 3 баллов
4	Выделение средств создания образа-характера	До 4 баллов (по 1 баллу за средство)
5	Анализ роли средств художественной выразительности в произведении	До 10 баллов (по 1 баллу за средство выразительности, по 1 баллу за его характеристику)
6	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 6 баллов (3 за композицию и 3 за стилистическую однородность)
5	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <i>Примечание 1:</i> сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <i>Примечание 2:</i> при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 3 баллов
	Максимальная оценка	30 баллов

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

№	Критерии	Стоимость
1	Соответствие книги выбранной тематике, полное название книги и ее автора	До 3 баллов
2	Точность и глубина характеристики книги	До 5 баллов
3	Ориентация на адресата – потенциального читателя	До 3 баллов
4	Композиционная цельность и стройность работы участника	До 3 баллов
5	Оригинальность работы	До 3 баллов
6	Общая языковая и речевая грамотность	До 3 баллов
	Максимальная оценка	20 баллов

Примечание: Задание направлено на проверку как общей читательской эрудиции и вкуса участника Олимпиады, так и его умения емко и занимательно представить конкретную книгу, охарактеризовав ее с учетом адресата – потенциального читателя.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 6-м классе – 50.

7–8 КЛАССЫ

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

№	Критерии	Стоимость
1	Отражение темы произведения	1 балл
2	Характеристика конфликта	1 балл
3	Выявление проблематики рассказа	1 балл
4	Выражение авторской позиции	1 балл
5	Характеристика сюжета и особенностей композиции	До 4 баллов
6	Анализ образов героев рассказа и средств их создания	До 6 баллов
7	Выявление изобразительно-выразительных средств, определение их художественной функции	До 6 баллов (по 1 баллу за средство выразительности, по 1 баллу за его характеристику)
8	Выражение личного отношения к художественному произведению, аргументация собственной точки зрения	До 4 баллов
9	Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность	До 3 баллов (2 за композицию и 1 за стилистическую однородность)
10	Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). <i>Примечание 1:</i> сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. <i>Примечание 2:</i> при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов	До 3 баллов
Максимальная оценка		30 баллов

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

№	Критерии	Стоимость
1	Соответствие книги выбранной тематике, полное название книги и ее автора	До 3 баллов
2	Точность и глубина характеристики книги	До 5 баллов
3	Ориентация на адресата – потенциального читателя	До 3 баллов
4	Композиционная цельность и стройность работы участника	До 3 баллов
5	Оригинальность работы	До 3 баллов
6	Общая языковая и речевая грамотность	До 3 баллов
Максимальная оценка		20 баллов

Примечание: Задание направлено на проверку как общей читательской эрудиции и вкуса участника Олимпиады, так и его умения емко и занимательно представить конкретную книгу, охарактеризовав ее с учетом адресата – потенциального читателя.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 7–8-х классах – 50.

9–11 КЛАССЫ

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Целостный анализ текста

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется прозаическое произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

Анализируя текст, ученик должен показать степень сформированности аналитических филологических навыков. Ученик сам определяет методы и приемы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному – к осмыслению художественной природы анализируемого произведения, а также к пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил. Анализ текста проводится учеником для того, чтобы уточнить, углубить, развить первичное понимание, увидеть произведение как сложно организованное единство элементов, несущее в себе смысл и эстетическую ценность.

Под «целостным анализом текста» мы понимаем не обязательный учет и скрупулезное описание всех его структурных уровней – от фонетической и ритмико-метрической стороны до контекста и интертекста. Мы рекомендуем сосредоточиться на тех аспектах текста, которые актуализированы в нем и в наибольшей степени «работают» на раскрытие заложенных в нем смыслов. Специально оговариваем также: анализ текста – это не повод демонстрировать знание филологической терминологии; в первую очередь, это привлечение внимания учащегося к её художественному назначению в тексте, характеристике её функциональной нагрузки. Цель анализа предложенного произведения состоит не в создании наукообразного текста о тексте художественном. Обилие терминов в работе еще не означает научности. Гораздо важнее сказать о своем понимании ясно и точно, а термины использовать к месту и дозированно.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырехбалльной системе: первая оценка – условная «двойка» («неудовлетворительно»), вторая – условная «тройка» («удовлетворительно»), третья – условная «четверка» («хорошо»), четвертая – условная «пятерка» («отлично»). Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16–19 баллов.

Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.**

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). *Примечание 1:* сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. *Примечание 2:* при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5.**

Максимально возможный балл – 70.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Критерии оценивания

1. Соответствие выбранных произведений тематике представленной номинации, полное название произведения и автора – **до 9 баллов.**

2. Ориентация на особенности аудитории – **до 3 баллов.**

3. Аргументированное объяснение своего выбора с опорой на текст произведений, полнота и фактическая точность доказательства – **до 5 баллов.**

4. Речевая выразительность, яркость, установка на устное исполнение – **до 3 баллов.**

5. Композиционная цельность и стройность работы – **до 4 баллов.**

6. Оригинальность работы – **до 3 баллов.**

7. Общая языковая и речевая грамотность – **до 3 баллов.**

Примечание: Задание нацелено на проверку как литературной и историко-культурной эрудиции участников олимпиады, так и умения создавать фактически и стилистически точный текст устного выступления.

Максимально возможный балл – 30.

Максимальное количество баллов за олимпиаду в 9–11-х классах – 100.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ драматического произведения / Под ред. В.М. Марковича. – Л., 1988.
2. Анализ одного стихотворения / Под ред. В. Е. Холшевникова. – Л., 1985.
3. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб., 2006.
4. Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. – Тула, 2000.
5. Гаспаров М. Л. «Снова тучи над мною...». Методика анализа. – <http://www.durov.com/literature2/gasparov-97b.htm>.
6. Зинина Е. А. Основы поэтики. Теория и практика анализа художественного текста. – М.: Дрофа, 2006.
7. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М., 1972.
8. Кожин В.В. Как пишут стихи: О законах поэтического творчества. – М., 1970.
9. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб., 1996.
10. Лихачев Д. С. Внутренний мир литературного произведения. – http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0398_Vnutrennij_mir_1968.pdf.
11. Поэтический строй русской лирики / Ответ. ред. Г. М. Фридлендер. – Л., 1973.
12. Румянцева Э. М. Анализ художественного произведения в аспекте жанра / Пути анализа литературного произведения // Под ред. Б. Ф. Егорова. – М., 1981.
13. Русская новелла: Проблемы теории и истории / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб., 1993.
14. Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы (1923) // Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. – М., 2007.
15. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974.
16. Тодоров Л. В. Русское стихосложение в школьном изучении. – М.: Просвещение, 2009.
17. Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. – М.: КДУ, 2006.
18. Энциклопедический словарь для юношества. Литературоведение. От А. до Я / Сост. В. И. Новиков и др. – М., 2001.
19. Эткинд Е.Г. Разговор о стихах. – М., 1970.

Интернет-ресурсы

1. <http://lit.rusolymp.ru>: Информационный портал Всероссийской олимпиады.
2. <http://lit.1september.ru>: Журнал «Литература» и сайт для учителя «Я иду на урок литературы».
3. www.slovesnik.org: Сайт Гильдии словесников.
4. <http://www.feb-web.ru>: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор».